

ВИДИМЫЕ И НЕВИДИМЫЕ ГРАНИЦЫ. РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ АРХИТЕКТУРЕ

А. Г. Раппапорт *

Аннотация: В статье дается определение понятия «граница» как некоей условно фиксированной линии (возможно, поверхности), разделяющей мир (или некую ситуацию) не только в пространстве, но и во времени. Если мы обращаемся к внешней рефлексии или созерцанию, граница предстает как пространственная линия или поверхность; если же мы говорим о процессуальном сканировании мира, граница встречается в виде события, в частности события пересечения некоего рубежа, порога, то есть знака, лежащего между двумя областями пространства или времени.

Также рассматривается проблема однородного, гетерогенного и трансцендентного по отношению к понятию границы. Архитектура в статье представлена и как исторически сложившаяся сфера влияния на человека. Как и другим значительно политизированным научным дискурсам, архитектурному дискурсу свойственны невидимость и секретность. Индоктринация в архитектуре учит доктрине, задает понятийную структуру, а обучение предлагает рассматривать объект бесстрастно. Показано, что эпистемологические границы создания и распространения знания в такой конкретной области исследования, как архитектура, установить непросто, поскольку при рассмотрении эволюции любой внешней вещи обнаруживается различие эпистемологии и онтологии, а развитие самой вещи оказывается отражением развития познавательного аппарата. Так, в свое время утверждалось, что структурализм был теорией жестких сред. Делается вывод о том, что любые границы, разделяющие мир, историю, профессию, существуют в более или менее реальной ситуации и именно в ней сами обретают смысл

---

* *Раппапорт Александр Гербертович* — доктор искусствоведения. Член Союза архитекторов России, член Международного комитета архитектурных критиков. Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства, филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России», главный научный сотрудник. 111024, Москва, Душинская ул., д. 9. Tel.: +37126052352, e-mail: papardes@gmail.ru.

и придают его тому, что они разделяют. И потому разделение переменчиво, а единственным примером реально отграниченной ситуации от всегда меняющейся ситуации внешней может оказаться лишь жилище отшельника.

Ключевые слова: архитектура, граница, внешняя рефлексия и созерцание, процессуальное сканирование мира, теория как средство идеологической индоктринации, эпистемологические границы.

ГРАНИЦЫ — суть линии или поверхности, разделяющие мир в пространстве и во времени. Часть границ образуют замкнутые фигуры — можно говорить о границах между внутренними и внешними областями (местами) и ситуациями. Для всех границ остается существенной проблемой их идеализация, связанная с их сознательным воспроизводством в виде знаков — графических или вербальных.

Полночь — точка во времени, обозначающая границу суток, новогодняя полночь означает границу годов. Этой точке во времени отвечает определенная ситуация в пространстве. Так что возникает вопрос о границах как феноменах пространственных или хронотопических, где есть и время, и пространство.

Граница

Вопрос этот связан со способом рассмотрения ситуаций. Если мы обращаемся к внешней рефлексии или созерцанию, то граница предстает как пространственная линия или поверхность, если же мы говорим о процессуальном сканировании мира, то граница нам встречается в виде события, в частности события пересечения рубежа, порога или иного межевого знака, то есть знака, лежащего между двумя областями пространства или времени.

Внешнее созерцание, или рефлексия, само не только проводит границу, преодолевает или обозначает ее, но и связывает то, что находится по обе стороны границы. Граница сама по себе всегда двусторонняя (по крайней мере, говорить о точках с большим количеством связываемых ею сторон мы пока не будем, хотя исключить такой вид границ, наверное, невозможно). Например, точка пересечения двух линий оказывается границей четырех квадрантов.

Для того чтобы граница была видна не просто как препятствие, необходимо в реальности или воображении поместить свою рефлексию в положение, трансцендентное разделяемым границей областям, то есть схватить их вместе и в пространстве, и во времени.

Граница, доступная восприятию только с одной стороны, оказывается односторонней и ставящей саму категорию границы под вопрос, как способную не разделять, а только ограничивать. Ограничение и разделение — две разные функции организации мира, и диалектика их отношений требует специального субстанциального анализа. Так, например, прозрачные, но физически непроницаемые для твердых тел границы, такие, как стеклянные перегородки, могут рассматриваться как пределы для движения и границы, сохраняющие рефлексивное присутствие сознания и воображения по обе стороны.

Видя поверхность твердого тела, например камня, мы понимаем, что это граница воздуха и каменной массы. Но граница эта принадлежит каменной массе в большей мере, чем воздуху. Граница между воздухом и водой, например над морем, обладает более сложной структурой, на что в свое время обратил внимание Леонардо да Винчи и что обсуждал в одной из своих работ М. Ямпольский (Ямпольский 1996: 5). Волны на поверхности воды оказываются с одной стороны, принадлежащими субстанциально самой воде, а с другой вихревым потокам воздуха, которые и придают волнам их форму.

Видеть границу изнутри — значит видеть ее как препятствие, непреодолимое силами способности к действию. Видеть границу и обе ее стороны можно только в особых случаях ее субстанциального или знакового воплощения. Непреодолимость такой условной границы может зависеть как от реальных средств действия, так и от нормативных ориентиров сознания. Культура обычно понимается и как практика установления физических границ (полей, государств, городов), и как законодательная практика нормирования допустимых или недопустимых действий и мыслей. Для цивилизованного поведения не обязательно вешать замок или строить загородку, достаточно надписи «Не входить».

Сложнее с мышлением, ибо, запрещая мыслить нечто, мы поневоле санкционируем такое мышление, иначе не будет

действовать и сам запрет. Этот парадокс проявился в ситуации, когда в тексте закона о запрете на матерную брань было необходимо конкретно обозначить список запрещенных слов. В таком случае текст закона сам бы и нарушал свою норму.

ОДНОРОДНОЕ, ГЕТЕРОГЕННОЕ И ТРАНСЦЕНДЕНТНОЕ В ГРАНИЦАХ

Обычные границы практической повседневности разделяют области и сферы по их принадлежности или предназначенности, но по сути своей они однородны. Так, районы города — будь они жилыми или производственными — однородны, участки суши и моря — тоже однородные части земного ландшафта. Если же мы говорим о гетерогенности, то тут встречаемся с явлениями иного порядка. Поверхность скалы и ее внутренний массив уже не будут однородными — они гетерогенны, так как поверхность не исключает движения, в том числе и переноса границ, а массив камня не предполагает движение, и перенос границы не сводится к ее перемещению в пространстве, а предполагает субстанциальные вмешательства уничтожения. К числу гетерогенных можно отнести и соседствующие области естественного и сверхъестественного, хотя для представления сверхъестественности нужны особые средства описания. Элементарным вариантом сверхъестественности было бы нечто искусственное. Так, граница между обрубок конечности и протезом не просто гетерогенная, но и сверхъестественная, так как принципы существования и происхождения протеза и части конечности принадлежат разным мирам и разным законам существования.

Наконец, можно говорить и о трансцендентном как преодолении самого различия естественного и сверхъестественного, как это делает А.Пятигорский, анализируя понятие «трансцендентность» в книге «Непрекращаемый разговор» (Пятигорский 2004: 166). Тем не менее трансцендентное актуально граничит с имманентным. Так, в сознании пророка может появиться текст, порожденный ни самим пророком, ни какой-либо искусственной машиной. Он возникает из трансцендентного мира и попадает в мир как имманентный этому миру текст, смыслы которого,

в свою очередь, могут быть естественно понятными, искусственно сконструированными и трансцендентно символическими.

Ни одна из возникающих так границ оптически неразличима, то есть невидима. Тем не менее границы однородного мира постижимы с помощью простого знания, границы искусственного и естественного открываются через различие норм их существования, а границы имманентного с трансцендентным сами по себе не только невидимы, но и непостижимы.

Вопрос о видимых и невидимых границах приводит нас к проблематизации границ в сфере оптики и мышления. Не видеть границу или не быть способным помыслить ее в сфере воображения — вещи принципиально разные. Не видеть границу можно, например, в темноте, но в сфере умозрения не видеть границу означает нечто иное — отсутствие ориентационных возможностей в сфере знания.

Сфера знания всегда так или иначе ограничена. Расширение сферы знания тем самым означает нарушение границы, ее сдвиг. В случае простых физических, политических границ сдвиг тождествен их нарушению, в сфере познавательной деятельности это далеко не так, и именно сдвиг границ часто означает или кажется, что означает, уважение к ним.

Убийство человека, будучи непреодолимой нравственной границей, перестает быть таковой, когда в сознании человека другой обозначен меткой «враг». Вопрос о видимости границ в таком случае резко усложняет нормативную логику поведения. Запрет на нарушение невидимых границ ставит человека в неопределенное положение или приводит к парадоксу как неспособности принять практическое решение. Не так давно в печати обсуждался вопрос об ответственности вооруженных людей, не увидевших в темноте границы двух государств.

Значение некоторых поступков часто невозможно осмыслить, не зная их последствий, которые невидимы в момент совершения поступка. С точки зрения того, что следствие не было видимым, нарушение границы фиксировать невозможно, с точки зрения совершившихся следствий оно кажется очевидным.

Таким образом, видимость и невидимость границ обусловлены не только их физической субстанцией и микроструктурой (градиентностью), но и временем процессов, независимых от

сознания действующего или ориентирующегося человека (группы людей, общества, социума в целом).

НЕВИДИМОСТЬ И СЕКРЕТНОСТЬ

Тема невидимости как свойства мира, превышающего способности зрения, пересекается с темой секретности как сокрытия видимого. Само по себе секретное не теряет своих физических свойств и не подлежит феноменологии ограниченности зрения и оптики. Оно принадлежит к иной технике, нежели техника визуализации и оптической фиксации — технике маскировки, иллюзий, обманов зрения и трюков.

Частично эта техника используется в фокусах с применением зеркал, которые уводят взгляд от границ предмета и подставляют на место этих границ какие-то виды иных пространств и предметов. Частично здесь же используется техника ослепления или гипноза, внушающего запрет на видение. В других случаях тут используется техника отвлечения внимания от предмета. Распространенным в современной коммерческой и дизайнерской культуре остается техника создания имиджа как образа симулякра, подставляемого вместо реального предмета. Это техника маскарада и костюмировки, обретающая характер намеренного создания пластического и графического образа.

Здесь стоит различать технику намеренного сокрытия предмета, используемого, например, в военных маскировках, и технику аттрактивной маскировки в макияже девушек / женщин, привлекающей внимание к предмету, но при этом придавая предмету образ (имидж) другого предмета, имеющего заведомо высокую ценностную квалификацию. В архитектуре это все виды орнаментации стен и украшений проемов, классический ордер или иная стилистическая декорация строительных конструкций. Разница тут в том, что строительная конструкция скрывается не как нечто запретное или секретное для посторонних глаз, а как нечто низшее по значимости и смыслу по сравнению с фасадной декорацией. Предельный случай — живопись на полотне скрывает само полотно, но не потому, что оно под секретом, а потому что оно остается лишь субстратом для демонстрации смыслов, образованных самой живописью.

Тут важно вернуться к категории границы как того, что собственно видит оптический прибор или глаз, когда возникает препятствие для световых лучей или приходит отражение от поверхности тела или подосновы. В таком случае письмо на белой странице не скрывает пустоту этой страницы (или как правило не скрывает ее), а лишь отводит этой белизне роль фона, не несущего собственного содержательного смысла. Этот фон остается видимым, видимым, но он перестает считываться как видимое содержание, оставаясь фоновой подосновой текста.

Противоположный пример — мельчайший шрифт на разного рода договорных документах, в которых указаны границы и пределы действия самого договора, набранного крупным шрифтом. Мелкий шрифт остается оптически воспринимаемым, но настолько неразборчивым, что выпадает из поля внимания и пропускается сознанием, оказывается неувиденным и непонятым. Тут граница выступает уже не как свойство тела, непроницаемого для света, а как сфера непроницаемости внимания с его разрешающей способностью различения знаков и смыслов.

Наконец, самый сложный вариант невидимости — иллюзорное открытие смысла за видимой границей. Так, разведчик или тайный агент скрывает за своим образом (обычного человека) тайного агента и наблюдателя. Его не видят те, за кем он наблюдает, и это позволяет агенту видеть то, что при иных обстоятельствах они могли бы скрыть.

Имея дело с сокрытием, маской или камуфляжем (макияжем), мы получаем двойную систему границ и видимостей. Сама по себе маска является некоторой видимостью на теле, которое выступает как невидимый, сокрытый предмет или как подоснова для маски. Но в маске как таковой тоже есть эта подоснова, собственно на которой и покоится изображение или лицо. Так что тут две невидимости — невидимость скрытого предмета и невидимость подосновы, скрывающей его маски.

В макияже граница оказывается намеренно совмещающей две разные системы. Она есть и граница предмета, скрываемого пудрой и румянами (собственно лица человека), и граница косметической маски, изображающей иной иллюзорный предмет (кожа и пластика лица). Некоторые фрагменты этого иллюзорного предмета совпадают с формами самой маски. Так что

стирается и делается невидимой сама граница между предметом и его маской.

Здесь под границей мы вынуждены понимать уже нечто принципиально иное — это не граница как поверхность тела, это переход в сознании от одного, отчасти видимого предмета — к другому, видимому ярче и полнее. Этот более яркий образ, или имидж макияжа, заслоняет, но уже не скрывает полностью пластическую границу скрытого предмета и сам этот скрытый предмет. Тут происходит не столько сокрытие, сколько подмена и подстановка двух видимых предметов, которые в данном случае отличаются не столько сами по себе, сколько степенью владения внешним вниманием.

Мишель Фуко рассматривал моменты био- и геополитики сквозь призму критики государственной власти как формы насилия над человеком. Архитектура исторически является сферой непосредственного воздействия на человека, как вспомогательное средство идеологической индоктринации, особенно в религиозном зодчестве, но также и в гражданской архитектуре — гипнотизирующая среда больших городов, оторванных от земного ландшафта. На мой взгляд, само обращение к фуколдианской философии — необходимое, но недостаточное средство идентификации теории современной архитектуры как подлинно современной.

Границы и швы

Николай Евреинов рассматривает орфические мистерии раздиранья Диониса (Загрея) как символ расчленения (индивидуации) мира. В таком случае все границы можно рассматривать как швы или следы разрезов этого мирового целого на части. Следствием этой мистерии раздиранья мира по учению орфиков становится тайное, мистическое восстановление мира как единства, а индивидуация мира как различия, разделенного на индивидов человечества, обещает ключ к воссоединению человечества в организм, исполненный любви к себе и миру, то есть при-мирения.

Тогда швы или разрывы могут рассматриваться как невидимые границы, как следы, за которыми в памяти (платонической)

восстанавливаются две вещи — сама граница как шов, стена, канава, канал, ров, и то целое, которое этими рубцами (рубежами) расчленено, разорвано, но которое предшествует границам как целое. В архитектуре это стены и преграды, перегородки, заборы, рвы. И стремление стеклянной архитектуры к прозрачности становится понятным как сокрытие этой разделенности мира в ее новое слияние в синтезе целого. Искусственные границы чередуются с естественными — реками, морями и океанами, горными цепями, полосами леса и пр.

Здесь возникает парадоксальное превращение вещи в границу и границы в вещь в зависимости от масштаба рефлексивного опознания ситуации. При подъеме на большую высоту вещи становятся линиями и, переставая быть препятствиями, превращаются в границы. Видимость тут не исчезает, но само видимое меняет свой статус — вещь становится знаком.

Начала и концы

Пространство как видимое визуальное поле имеет границы, но они невидимы. Время не имеет никаких видимых границ, но умозрение связывает наше присутствие с настоящим, границы которого невидимы. Представление о потоке времени вводит в обиход условные границы, связанные с использованием механических или электрических часов, показания которых соответствуют некоторым астрономическим явлениям.

С другой стороны, умозрительные границы времен лежат в основе программ и планов, что превращает единицы времени (год, пять лет и пр.) в осязаемые области, соответствующие контролю за договоренностями и показателями производства.

Начала и концы представляют разновидность границ, как линейных, так и объемных.

Архитектура и скульптура не имеют начал и концов, как не имеют их горы, озера и человеческая жизнь в точках умозрения — рождения и смерти. Эти невидимые изнутри границы тем более почитаемы извне как даты на могилах и в календарях.

До изобретения часов часто день начинался с восходом солнца и кончался его закатом, то есть видимыми феноменами, ныне они умозрительны. Год же никогда не был отмечен видимыми

границами. Стоило бы различать кольца, в которых начало и конец совпадают и собственно начала и концы, которые могут и не совпадать — как у отрезка прямой. Начала и концы имеют смысл как в пространстве, так и во времени.

Проблема начала остается загадкой и белым пятном гносеологии. Начало мира, возникновение Вселенной, появление человека, языка, мифа, письма, религии, философии, науки... Начала, будучи субстанциально разными, все тонут в «изначальной» неопределенности самой категории начала (как абсолютного начала). Симметричная началу категория конца отличается от начала большей легкостью экспансии, хотя возможно, что эта легкость иллюзорна. Так или иначе, идея бесконечности имеет более ощутимый смысл, чем идея безначальности.

Количественный референт имеет идея бесконечности, тогда как безначальность — вне количества. Зато у безначальности появляется смысловой оттенок авторитета и власти. Сама пространственность категории «начал» (Евклид, Ньютон, начальная школа, начальник, начинание) разветвляет семантику границы в субстанциальные поля смыслов (начинка, чин, порядок, власть), что устраняет кажущуюся симметрию начал и концов. Их асимметрия выражает векторный и гравитационный характер несовместимости, ставя под сомнение варианты закольцованности.

В мифологии начала и концы — смысловые полюса, несущие на себе весь груз мировой картины. Все мифы так или иначе акцентируют эти полюса, но их значимость обретает разный вес. Начала — неперемный сюжет всех мифов, но для одних мифов эти начала ведут к уже постигнутому концу, как к тому времени, которое переживается здесь и теперь, этим хайдеггеровским *Dasein*. Для других мифов конец еще впереди, это перспективные мифы, последний из которых нам известен под именем прогресса и идеологии построения светлого будущего.

Эсхатология и Возрождение образуют тот разорванный круг мифологической картины мира, которая в тысячелетиях не умирает, но постоянно изменяет свои конкретные черты, прячется и исчезает в разных масках надежд и страхов. Исчезая из поля зрения, эти границы эонов создают иллюзию бесконечной безначальности и бесконечности, которая оказывает успокаивающее действие и предупреждает опасные конвульсивные экста-

зы. Но при всей своей значимости эти начала и концы всё же не видимы, а только воображаемы.

АРХИПЕЛАГИ И ГЕНЕЗИС

Один из вариантов безначально-бесконечной граничности дают архипелаги, где соседства островов имеют линии границы. В качестве границы начинает служить уже не точка и не линия, а целое пятно, поверхность водоема.

Другой, еще более интересный вариант дает пространственно-временная граница появления нового организма или новой субстанциальной структуры. Это — зачатие. Собственно встреча двух клеток, в результате слияния которых рождается новый организм. Тут примечательно, что вместо точки разделения, разреза, разграничения перед нами как раз противоположная точка слияния, коитуса, объединения.

Возникает вопрос: можно ли в таком случае говорить о границе, или возникновение принципиально непрерывно, и всякое возникновение уводит нас в предшествующий мир независимых существований? Нечто подобное можно видеть и в мире идей, где новая идея рождается при слиянии, контаминации, взаимном притяжении двух или нескольких смысловых единиц.

Открытие (двери, окна, объектива и пр.) оказывается соединением и установлением связи, ранее невозможными и преодолеваемыми то ли действием, то ли мыслью. Но сама возможность такого слияния ведь уже предполагалась — либо как устройство (дверь, окно, выключатель, реле), либо как его подоснова, которая полагала границу как нечто вещественное или субстанциальное. Следовательно, способность границы к разрыву и преодолению предполагала и принципиальную связность и единство целого. Поэтому утопии, как правило, отделены от мира не условными, а невероятно трудными границами и расположены в виде островов в архипелагах мира.

СТИРАНИЕ

Стирание границ есть не просто объединение, а устранение возможности их несвязного бытия. Стирание границ между

умственным и физическим трудом, городом и деревней, провозглашенное в свое время марксистской диалектикой, вовсе не покушалось на автономный смысл соединения этих форм бытия, а открывало неприменимость их раздельного существования.

ИНТЕНСИВНОЕ ОПОЗНАНИЕ ГРАНИЦ

Зрение и слух обладают способностями как экстенсивного, так и интенсивного опознания границ. Под интенсивным опознанием границ я понимаю различение границ какого-то чувственного комплекса, обусловленное внутренней памятью его фигуры или смысла, а под экстенсивным — внешние пределы, для которых смысл может оставаться скрытым.

Так, встречая в книге написанные без пробелов два-три слова, мы с трудом понимаем их смысл. Однако в живой речи, где слова не разделены паузами (пробелами), мы не испытываем никаких затруднений в их опознании. Здесь работает память слова как память определенной звуковой конфигурации. Еще нагляднее это видно (слышно!) в полифонической музыке, где голоса, затейливо переплетаясь в фуге, в то же время до какой-то степени легко различимы (с ростом числа голосов это становится всё труднее).

Если же в зрительном восприятии мы увидим две фигуры, тесно сплетенные друг с другом, то понимание этих фигур, например человеческих тел, немедленно раскроет нам смысл их раздельного смысла. Есть затейливые орнаменты (один из них принадлежит Леонардо), в которых глазу всё же очень трудно различать независимые друг от друга переплетающиеся линии.

Мне представляется особенно загадочным успешное разделение звуков речи, лежащее в основе фонетического письма, ведь до появления алфавитов их почти невозможно разъединить.

Тут можно говорить о двух способностях. Во-первых, памяти, которая удерживает фигуративную индивидуацию фигур и выявляет независимость фигуры, несмотря на отсутствие или запутанность ее границ. Во-вторых, своего рода технике расшифровывания спутанных линий, которые было бы нетрудно разрезать, но разграничить, не разрезая, крайне непросто. Примером может служить уже не зрительная, а тактильная задача распу-

тивания спутавшихся ниток или проводов, которые постоянно связываются в немислимые «морские узлы» за стенкой нашего компьютера.

В логических построениях и рассуждениях возникают уже совсем неразличимые ни зрением, ни слухом рефлексивные переходы, когда речь выходит за границы прежней предметности и меняет категориальную онтологию суждений. Необходимы особо тонкий логический слух и умозрения, чтобы заметить, в каком месте своего рассуждения говорящий (или пишущий) меняет предметность и переходит от следования за связью идей к их оценке, совершенно независимой от наличия или отсутствия этой связи. В таком случае так называемый «рефлексивный выход» может обозначаться специальным примечанием или введением. Но при отсутствии такового он тонет в непрерывности речи и опознается только постфактум.

Эти наблюдения говорят о том, что границы постоянно артикулируются и опознаются в присутствии того или иного освещения и света и что они не опознаются в физической или смысловой темноте. Память и логическое опознание предметности речи служат своего рода осветительными приборами, позволяющими различить и опознать как связи, так и разрывы (границы) в ходе речи и мысли. Тем самым метафора «свет разума» приобретает свой подлинно феноменальный смысл.

Конечно, и свет не всегда дает нам возможность опознания границы или грани, когда сама эта граница устроена не как линия или поверхность, а как градиент непрерывного изменения своей смысловой субстанции. В некоторых случаях такое растворение границ в градиентах, как уловка, как попытка скрыть переходы и границы, может разрушать понимание, но в некоторых художественных ситуациях именно она и создает сам смысловой эффект.

Тут в игру вступают новые измерения смыслового пространства. Если это пространство устроено подобно ленте Мебиуса, то переход границы и попадание на оборотную сторону листа останется незаметным, не только невидимым, но и никак не воспринимаемым органами чувств, так как движение по поверхности не нарушается и не прерывается. Такого рода лабиринтообразное, спутанное и перекрещивающееся пространство, однако, не

исключение. Напротив, во многих жизненных случаях именно оно ставит человека в положение полной утраты ориентации и порождает иллюзии, чреватые и заблуждениями, и преступлениями.

ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ

Со времен кантовских «критик» мы различаем «вещь в себе» как объект наших познавательных интересов и вещь для себя как совокупность освоенных нашим сознанием и мышлением предметов описания мира. Эти предметы можно понимать как системы понятий и категорий, фактов и проблем, которые мы проецируем на область чувственных данных о мире, а можно обобщенно представлять их как экраны или проекции внешнего объекта, находящиеся в сфере нашего сознания и деятельной практики со всем ее многообразием целей, средств и подходов.

Но при этом мы продолжаем мыслить вещь как целое, как интенциональный объект, расположенный в «мире», а не в нашем сознании. И в результате мы приходим к парадоксальной ситуации невозможности разделения предметного содержания наших представлений о вещи в самой внешней вещи. Там, в самой вещи, эти границы нами мыслятся, но не могут быть увидены и проведены. Они существуют в совсем другой «вещи» — в нашем знании.

Если мы станем рассматривать эволюцию этой внешней вещи, то различие эпистемологии и онтологии обнаружится еще явственнее. Ибо развитие вещи, которое мы опять-таки интенционально предполагаем в сфере самой вещи и ее бытия в мире, оказывается отражением развития нашего познавательного аппарата. Во многих случаях это описывается в вербальных конструкциях по схеме «А как В»: человек как физиологический организм и как общественное животное, архитектура как искусство и как наука, мир как воля и как представление. Смысл границ такой бинарной оппозиции и усиливается, и аннигилируется, ибо он становится одновременно и очевидным, и невидимым.

Видение перестает совпадать с мышлением и само превращается в натуральную «проекцию» знания. Привычное «лучше один раз увидеть, чем десять раз услышать» оказывается самообманом.

И тут выявляется одна из фундаментальных оппозиций самого сознания, оперирующего слуховыми и визуальными образами. В системе знаний первые производят понятия и категории, а в системе представлений последние создают схемы и образы. Сами границы из области зрения переносятся в сферу слухового, аудиального конструирования знаний и рефлексии опыта и деятельности, которые даны нам и в то же время не видны.

Особый вид эпистемологии — категории. Категории не совпадают, между ними есть границы, но переход этих границ — рефлексия — никогда невидим и часто переживается как своего рода секретный ход ума. Как, где и когда мы переходим из пространства во время — ответ на этот вопрос предполагал бы указание места и момента — где и когда, но самый смысл этого перехода говорит о том, что он происходит вне места и вне момента, а то, что находится вне места и вне события, не может быть ни увидено, ни услышано. И это не секрет, не уловка, а та многомерная природа мысли, которая рождается из видения и слуха, но, взрослея, забывает о своих родителях.

ХАОС И ПУСТОТА

Наконец, проблематика границ и их видимости подводит нас к категориям хаоса и пустоты. Хаос противопоставляется порядку, а порядок понимается как распределение всего, что имеет смысл и значение на соответствующем месте. Таким образом, смыслы стремятся к упорядочению, к своему месту. Порядок есть организация смыслов, вещей, а также понятий и норм по своим местам.

Если эти места существуют как пространственные локализации, то у них есть границы. Сложнее решить, должны ли порядки предполагать достаточно жесткое или мягкое обнаружение для места каждого смысла. При жестком подходе смыслы оказываются локализованы в твердых границах. При большей или меньшей степени смысловой свободы или неопределенности смыслы имеют возможность занимать разные места или подчиняться градиенту тяготения к какому-либо центру. Гравитация может служить универсальной моделью такого градиентного распределения и расположения смыслов и стремления их к центру,

в данном случае — центру тяжести. В такой трактовке естественно уравниваются силы физической гравитации и силы духовной и душевной симпатии и любви, и мы начинаем понимать, почему Аристотель сводил силы тяжести к силам эротического порядка.

Мягкость и жесткость — категории качественной определенности порядка, наглядно выражаемые в ландшафте, где мы видим и нежнейшие переходы в кривизне поверхности земли, и постепенные насыщения грунта влагой, и жесткие границы кристаллических пород и водоемов.

Что же касается хаоса, то тут смыслы и вещи по тем или иным причинам оказываются лишены возможности тяготения и локализации, или же сами центры тяготения, как и места локализации, оказываются вовлечены в такие процессы, в которых невозможно установить их точное положение. Это часто вызывается температурными характеристиками сред — так, высоко нагретые газы демонстрируют хаотические движения с неопределенными локализациями частиц или элементов, а холодные кристаллические структуры создают структуры или решетки с жесткими границами.

Структурализм в свое время и стал теорией таких жестких сред, а динамика сред и организмов становится препятствием их структурного описания, так как элементы структуры постоянно меняют свои места. Поскольку горячие среды часто одновременно излучают энергию и свет, то видимость тут исключается не недостатком освещенности, как это может быть в жестких структурах, а ослепительностью общего излучения как сияния, не дающего возможности зрению локализовать элементы сред.

Динамический подход определил стратегию диалектического, генетического и динамического анализа сложных целостностей. Но проблема границ и структур этим была снята не до конца. Динамические процессы всё равно описывались как смена структур, но сама эта смена получала, в свою очередь, собственные структурные характеристики. Соотношение структур изменений и статика структур порождают большие трудности и неопределенности в описании, так как описание не может синхронизировать свое внимание к статике и динамике.

Третья категория, которая оказывается в оппозиции и статике, и динамике, и структурам, и порядку, и хаосу, — это пустота, свое-

го рода смысловой вакуум. Невидимость границ в пустоте уже не связана с освещенностью и темнотой, она — следствие субстанционального отсутствия предметов видения и границ областей, к которым привязаны те или иные предметы и смыслы. Пустота, однако, редко отождествляется с черными дырами и непознаваемостью-непроницаемостью, так как она проницаема для света и, казалось бы, для мысли.

Вместе с тем в пустоте, как и в черных дырах, многие склонны видеть общие свойства потенциалов порождения всякого существования и предметности. Знаменитая пустота буддизма порождает мир, как сосуд порождает готовую пищу.

Но пустота сосуда не препятствует проникновению в него тепловых лучей. Борхесу принадлежит остроумное отождествление пустыни и лабиринта как пространства, не дающего никаких видимых ориентиров для выбора пути, выводящего за пределы (*Борхес* 1992). Но лабиринт — это почти полное доминирование преград, а пустыня — полное отсутствие преград. Итог, однако, оказывается сходным: выбор становится нереальным. И перегородки лабиринта видны, и свет пустыни не скрыт от глаз, но итог один — утрата направления.

Можно ли сказать, что пустыня и лабиринт становятся видами хаоса? Или правильнее было бы видеть в них то, что стирает в мире саму границу между видимостью и невидимостью.

Узилища и скиты

Это теоретическое рассуждение о границах и их видимости я хотел бы закончить примерами сугубо реальными, в которых и границы, и их смысл разделения мира, и идея видимости обретают новую плоть. На самом деле любые границы существуют в более или менее реальной ситуации и именно в ней обретают смысл и сами, и то, что они разделяют.

Полярными (с точки зрения добровольности их обитателей) примерами таких ситуаций оказываются тюрьма и жилище отшельника. Тюрьма кажется чем-то вроде строительного или архитектурного воплощения идеи границы и видимости. Стены тюрем непроницаемы (хотя и преодолеваются подкопами) и в полной степени видны. Невидным же в тюрьмах становятся

не границы, а то, что они отделяют или ограничивают,— внешнее пространство свободы, из которого, в отличие от самого пространства, ограниченного тюремными стенами, уже не убежать.

Эта логика безвыходности используется и в духовных практиках Востока. Например, в традициях тибетских монахов. Александра Давид-Неель подробно описывает практику отшельничества монахов, которые на последней ступени своего подвига оказываются в пространстве той самой пустоты, которая символизирует «невыразимую реальность» (Давид-Неель 2005: 243–286). На этом пути монахи меняют относительно уединенное место с относительным же отказом от контактов с миром, достигая всё более непроницаемой отделенности от мира, перебираясь в помещения, куда не доносятся ни шум, ни свет. На этой ступени подвижник перестает быть «зрителем мира», но всё же он не теряет самого зрения и через некоторое время возвращается к миру, на свет. На последней стадии отрешенности его окружает сплошная тьма, стирающая границу между днем и ночью, сном и бодрствованием. Хотя иногда в ходе такой исключительной погруженности в тишину и тьму монаха посещают яркие галлюцинации.

Стремясь к максимальной изоляции, некоторые монахи практикуют упражнение, в котором они помещают свое зрение внутрь собственного организма, внутрь тела. Новый вид темноты, ничего не меняя визуально, обретает всё же новый смысл, в котором теряются последние различия между внутренним и внешним.

Библиографический список

- Audi 1998* — Audi R. Epistemology: A Contemporary Introduction to the Theory of Knowledge Cambridge: Psychology Press, 1998.
- Борхес 1992* — Борхес Х.Л. Коллекция. СПб.: Северо-Запад, 1992.
- Давид-Неель 2005* — Давид-Неель А. Магия и тайна Тибета. М.: Центрполиграф, 2005.
- Пятигорский 2004* — Пятигорский А. Непрерываемый разговор. СПб.: Азбука-классика, 2004.
- Ямпольский 1996* — Ямпольский М. Демон и лабиринт. М.: Новое литературное обозрение, 1996.

VISIBLE AND INVISIBLE BOUNDARIES. REFLECTIONS ON ARCHITECTURE

A. G. Rappaport *

Abstract: The article defines the concept of the border as a conditionally fixated line (possibly a surface) dividing the world (or a certain situation) not only in space but also in time. If we turn to external reflection or contemplation, the boundary appears as a spatial line or a surface; if we are talking about a processual scanning of the world, the boundary is encountered in the form of an event, in particular, the event of the passing a certain boundary, threshold, i. e., a sign lying between two areas of space or time. The problem of homogeneous, heterogeneous, and transcendental in relation to the concept of boundary is considered. The architecture in the article is also presented as a historically developed sphere of influence on a person. Architectural discourse, like other highly politicized scientific discourse, is characterized by invisibility and secrecy. Indoctrination in architecture teaches doctrine, sets the conceptual structure, and offers to view the object impartially. It is shown that epistemological boundaries of creation and distribution of knowledge in such a specific field of research as architecture are not easy to establish, because when considering the evolution of any external thing, the difference between epistemology and ontology gets revealed, and the development of the thing itself becomes a reflection of the development of the cognitive apparatus. Thus, it was stated that structuralism was a theory of rigid environments. The conclusion is made: any boundaries separating the world, history, and profession exist in a more or less real situation, and it is in this situation that they find

---

* *Rappaport Alexander Gerbertovich* — Dr. habil. (Arts). Principal Research Fellow. Member of the Union of Architects of Russia, member of International Committee of Architectural critics (CICA). Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation. 9, Dushinskaya st. Moscow, 111024, Russia. Tel.: +37126052352, e-mail: papardes@gmail.ru.

meaning in themselves and give meaning to what they divide. Therefore, the division is inconstant, and the only example of a really delimited situation from an ever-changing external situation can only be the home of a hermit.

Keywords: Architecture, boundary, external reflection and contemplation, processual scanning of the world, theory as a means of ideological indoctrination, epistemological boundaries.

REFERENCES

- Audi R. *Epistemology: A Contemporary Introduction to the Theory of Knowledge*. Cambridge: Psychology Press, 1998.
- Borges J. L. *Kollekciya (Collection)*. Saint Petersburg: Severo-Zapad, 1992 (in Russian).
- David-Néel A. *Magiya i tajna Tibeta (Magic and mystery of Tibet)*. Moscow: Centrpoligraf, 2005 (in Russian).
- Piatigorsky A. *Neprekrashchaemii razgovor (The ongoing conversation)*. Saint Petersburg: Azbuka-klassika, 2004 (in Russian).
- Yampolskii M. *Demon i labirint (Demon and labyrinth)*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1996 (in Russian).

Статья подготовлена в ходе исследования за счет средств государственной программы «Научно-технологическое развитие Российской Федерации» на 2013–2020 годы в рамках Плана фундаментальных научных исследований Минстроя России и РААСН на 2020 год, тема 1.7.2.